

ЖЕНСКИЕ ДОЛИ

Татьяна
Казакова

Трудный выбор

Если бы вы знали, какой это позор и кошмар, когда родители пьют! Но после их смерти Ирка осталась совсем одна. Одиночество, нужда, поиск работы... Встреча с любимым человеком переворачивает ее жизнь. Казалось бы, ужас остался позади, но трусость любимого и разочарование в нем меняют всё. Опять одна, беременная, что ее ждет?

«Трудный выбор» — книга из серии женских романов «Женские доли», написанной Татьяной Казаковой.

Татьяна Казакова **ТРУДНЫЙ ВЫБОР**

Если бы вы знали, какой это позор и кошмар, когда родители пьют! И не просто выпивают в праздники или по выходным, а каждый день и беспробудно.

Мимо соседей стараешься быстрее проскользнуть, опустив голову — сделать вид, что не заметила. Но окружающие замечали и пальцем показывали, некоторые, проходя мимо, бросали презрительные взгляды, некоторые брезгливо кривились, а одноклассники дразнили: «Твои предки вчера опять стенку у магазина подпирали».

Иногда жалостливые соседки накормят обедом или сунут, проходя мимо, сушку, печенье или булку. Противно было слушать их причитания:

— Господи, ребенок голодный.

— А оборванная какая.

— А ведь были приличные люди.

— Я помню, как Лидочка шила.

— Да весь наш подъезд обшивала.

— А сама-то всегда такая модница была и дочку наряжала, как куколку.

— Да... вот до чего водка доводит.

Ирка не позволяла себя жалеть, грубила в ответ, и вообще характер у нее был такой — любому рот заткнет и сдачи даст.

Ей было 17 лет, когда перед выпускными экзаменами родители отравились паленой водкой. Ирка вызвала скорую, но до больницы не довезли — они умерли. Стыдно сказать, она даже слезинки не пролила.

Подруг у нее не было никогда — кто захочет дружить с оборванкой и грубиянкой. Ирка делала вид, что ей все нипочем и никогда не давала себя в обиду, но в душе страдала. С родителями поделиться нельзя, пожаловаться некому — полностью одинока. Вроде привыкла, но иногда, хоть волком вой.

Училась кое-как, учителей вообще терпеть не могла, впрочем, они ей отвечали взаимностью. Они

ведь любят тихоней, кто ручку тянет, не огрызается, а не тех, кто грубит, спорит из-за отметок и вообще за справедливость. Очень хотели от нее избавиться после девятого класса, но Ирка неожиданно стала хорошо учиться.

Она не отличалась прилежанием — выручала память. Ирка поняла, что если будет слушать на уроке, дома можно не учить. Математика давалась особенно легко, задачи решала на раз. С русским похуже, а литературу вообще не открывала, читать терпеть не могла. Училка по русскому как заведет свою шарманку.

— Белова! Ты бы хоть одну книжку прочитала. Как не стыдно, не знаешь элементарных вещей, не умеешь себя вести, дерзишь всем...

И все, заразы, нудят и нудят про честность, порядочность и неподкупность, а всем прекрасно известно, почему тупая Карина Халатова и жуткий лодырь Юрка Таланов пятерки получают. Юрка, правда, хоть соображал что-то, а Халатова — ни в зуб ногой. Ее мамаша в родительском комитете была и всем учителям все таскала и таскала, зато ее дочка в хорошистах ходила, а теперь вообще в МГУ учиться на юридическом.

Сегодня как-то особенно паршиво было на душе, вспомнила мать, когда она еще не пила, а Ирка была маленькой, мама была еще красивой и нарядной, а потом...

Отец работал в научно-исследовательском институте, был кандидатом технических наук, а мама трудилась в театре, шила костюмы. Ирка часто ходила в театр, посмотрела весь репертуар и даже мечтала стать артисткой. Была нормальная семья, по выходным зимой ходили на лыжах, летом ездили на дачу.

Все рухнуло, когда отца сократили... Откуда-то появились никому не ведомые дружки, начались посиделки с длинными пьяными беседами «по душам». Мама ругалась, выгоняла дружков и всячески пыталась растормошить мужа и заставить его искать работу, но однажды пришла потерянная — она тоже попала под сокращение.

— Выпей — легче станет, — предложил отец.

И все... Она не могла остановиться. Даже он иногда вдруг обнаруживал пустой холодильник и голодную Ирку. Тогда он собирал бутылки и на эти деньги покупал молока и хлеба, а мать... она просто не просыхала.

Постепенно из квартиры стали исчезать более или менее ценные вещи, а вместо них появились допотопный телевизор на ножках, круглый ободраный стол, грязный порванный диван и сломанное кресло. Иркиной комнате осталась кровать и шкаф, два стула и старое трюмо, а на кухне кроме плиты и холодильника висели страшные полки и стоял сломанный стол.

Соседи жалели девочку, подкармливали, приносили ношеную одежду, потому что из одежды ей вообще ничего не покупали. В школе, как малоимущей, ей дали бесплатный проездной и бесплатные завтраки. Называли Ирку «бедняжка» и «сиротка при живых родителях». Однажды даже встал вопрос о лишении их родительских прав. Ирке было двенадцать, она очень хорошо помнит противных притворно ласковых теток из опеки, пришедших к ним домой с проверкой.

Они везде совали свой нос, спросили, не хочет ли Ирка в детский дом. Она жутко испугалась и стала говорить, что ей дома очень хорошо, что родители не всегда пьют, только сегодня, она всячески их выгораживала и оправдывала. Тетки ушли, пообещав еще вернуться.

Ирка поняла, что надо как-то поддерживать чистоту и находить деньги на еду — вдруг они еще придут, увидят, что есть нечего и заберут ее в детский дом. Она стала ходить по скверам, крутилась около кинотеатров, собирала бутылки, убегала от бомжей и алкашей, которые тоже занимались тем же промыслом. На вырученные деньги покупала хлеб и кусочек самой дешевой колбасы, но родители, если обнаруживали, всегда съедали, даже не интересуясь, ела ли дочь. Тогда Ирка стала покупать консервы и прятала их под кровать. Когда раздавался звонок в дверь, она

быстро доставала несколько банок и несла их в холодильник. Она боялась, что придут тетки из опеки и увидят пустой холодильник.

Тетки как-то пришли еще раз, родители, слава богу, еще не успели напиться, она успела поставить в холодильник банки, хлеб и несколько яблок, которыми ее угостила соседка. В квартире было кое-как прибрано. Тетки посмотрели и ушли, а Ирка возненавидела своих родителей и желала им смерти.

Соседка из квартиры напротив, когда ей исполнилось 14 лет, и она получила паспорт, предложила ей работу курьером у них на турфирме. Ездить надо было в вечернее время, иногда очень поздно, поскольку днем она училась, но днем там был другой, «дневной» курьер. Ирка не боялась возвращаться поздно домой, она вообще никого не боялась, лишь бы не попадаться на глаза своим родителям. Бывало, они устраивали дебоши, соседи вызывали милицию, Ирка закрывалась у себя и старалась не мозолить глаза представителям власти. Иногда приходилось прогуливать уроки, но объяснений она никогда не давала, да их, в общем-то, и не требовали.

В школе она не жаловалась и терпеть не могла, когда ее жалели.

Однажды новая одноклассница, Лилька Раскина, как-то поймав ее голодный взгляд, когда

жевала вкусный бутерброд с колбасой, тут же ей протянула другой. Ирка хотела из гордости отказаться, но колбаса, зараза такая, так обалденно пахла, что она, прежде чем подумать, уже протянула руку. Поблагодарила только кивком головы и моментально проглотила, даже толком и не разобрав вкус. С тех пор Раскина почти каждый день приносила с собой бутерброды и всегда с ней делилась.

Они не дружили, как это было принято: не ходили под ручку по коридору, не шептались по углам, не звонили друг другу, хотя это было и невозможно, поскольку у Ирки телефона не было. На большой перемене Ирка ела свой бесплатный завтрак, а после уроков Раскина доставала свои бутерброды и молча протягивала Ирке. Та кивала в ответ и быстро уходила, на ходу жуя и заглатывая.

Раскина жила рядом со школой в шикарном новом доме и как-то в выпускном классе после уроков остановила ее.

— Послушай, ты не могла бы со мной позаниматься математикой, ты же знаешь, я ни в зуб ногой, особенно в геометрии.

Ирка не ожидала и ощетинилась по привычке.

— Вы чего, учителей не можете нанять?

— Можем, конечно, но я хочу с тобой, мне с тобой легче.

— Откуда ты знаешь?

— Просто, когда ты отвечаешь, то всегда понятно. И потом, — добавила торопливо, — я заплачу, как репетитору.

Ирка растерянно заморгала — никак себя не представляла в роли училки.

— Вообще-то у меня со временем очень туго.

— Я знаю, ты где-то подрабатываешь, но я могу приходить к тебе в любое время, когда скажешь.

— Нет, нет, — торопливо возразила Ирка, — лучше к тебе. Давай свой телефон, я позвоню. — Она достала мобильник, который ей выдали на работе, и записала номер. — Только учти, я не терпеливая.

— Я знаю, — усмехнулась та. — Все, договорились. Пока-пока.

Занятия принесли свои плоды — Лилька, хоть и с трудом, но проявила упорство и даже сделала успехи, а Ирка загордилась — это ведь благодаря ей Лилька стала получать четверки и даже пятерки по математике.

Лилькина мать, увидев в первый раз Ирку, сразу же посадила за стол.

— Нет-нет, — отменяя все возражения, говорила Софья Иьинична — Сначала поешьте, а потом занимайтесь на здоровье. Садись Ирочка. Вот салатик из овощей, вот селедка, на горячее

отбивные пожарила. Ты с хлебом ешь? Вот и умница, а Лиля наша фигуру бережет, хлеб не ест.

Ирка старалась не набрасываться на еду, степенно жевала и украдкой озиралась по сторонам. Ни фига себе, обстановочка! А телевизор — то, прямо как в кино. После обеда или ужина они, обычно, уходили в Лилькину комнату, там занимались. В первый же день Ирка заметила у куртки пришитую пуговицу, и аккуратно зашитый карман. Ирка не знала, как это воспринимать, может, спасибо надо сказать, а может, сделать вид, что ничего не заметила. Но через несколько занятий она не обнаружила на вешалке своей куртки.

— Ирок, я твою куртку в машинку сунула, постирать, а ты надень пока Лилькину. Вот... Смотри, как хорошо, в самый раз. Знаешь, ты оставь ее себе на смену. — И заметив слезы у Ирки на глазах, быстро выпроводила ее, не дав ничего сказать. — Беги скорей, а то поздно уже.

Вскоре она стала своим человеком у Раскиных. На Софью Ильиничну смотрела с обожанием, на Марка Семеновича с уважением, Лильку полюбила от всего сердца. Ирка иногда представляла себе, что это ее семья, ее родители и младшая сестра, которую она всячески опекала. К ней тоже относились как к члену семьи. Она знала, что ей всегда там рады.

Ирка старалась быть полезной, мыла посуду, бегала в магазин или аптеку, но Софья Ильинична старалась ее не нагружать. Зная Иркин ершистый характер и боясь ее обидеть, она как-то предложила:

— Девочки, нам пора обновить гардероб, предлагаю сделать набег на магазин, возражения не принимаются.

— Нет, я не могу, — сразу же насупилась Ирка.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы закупили кучу ненужного барахла?

У Ирки был отличный вкус, она действительно всегда давала дельные советы.

— Ничего не поделаешь, Ирок, но тебе придется поехать с нами, иначе и нам нечего дергаться.

Конечно, она согласилась и в магазине придирчиво рассматривала вещи, которые примеряли, своей дотошностью доводя продавщиц до белого каления.

— Софья Ильинична, это вам не идет и маловат к тому же, — раскритиковала костюм, который та примеряла.

— Да он отлично сидит, — уговаривала продавщица, — вот здесь немного разгладить, белье утягивающее надеть, губки надо немного подмазать, причесочку...

— Нет, Софья Ильинична, это не ваш цвет и фасон вам не идет.

— Да что вы понимаете? — Не выдерживала продавщица.

— Да уж побольше вашего. Лучше заткнитесь и принесите вон тот бежевый и на размер больше.

Софья Ильинична вышла из примерочной в бежевом костюме — как литой.

— Ну вот, этот отлично сидит и цвет подходит. Сколько стоит? Сколько?! Ирка уже собиралась открыть рот, но тут уж Лилька ее отводила в сторону, а Софья Ильинична расплачивалась за покупку.

Примерно так же проходили покупки для Лильки и Ирки. В итоге они шли с объемными сумками, в которых были кофточки, юбки брюки. Для Ирки еще были куплены пижама, белье и зубная щетка.

— Теперь ты сможешь оставаться у нас на ночь. В Лилиной комнате есть кушетка, ты вполне на ней поместишься.

Ирка от радости чуть не подпрыгнула. Господи! Кушетка! Да она на полу готова спать, лишь бы у них. Софья Ильинична заметила ее повлажневшие глаза и поспешно отвернулась, боясь самой расчувствоваться.

Вечером она поговорила с мужем, он не возражал, и она предложила Ирке перебраться к

ним насовсем. Ирку раздирали противоречивые чувства. Она с радостью бы бросила своих предков, но кто тогда будет о них заботиться и разгонять всякую шелупонь. Еще надумают квартиру продать — с них станется. К ним уже несколько раз приходили, предлагали деньги.

Ирка поделилась своими подозрениями с Лилькиной матерью, та в свою очередь описала обстановку Марку Семеновичу. Он работал юристом в крупной компании и предпринял кое-какие шаги, чтобы обезопасить Иркину собственность, потом передал Ирке, чтобы за квартиру больше не волновалась. Без нее никто не сможет ее продать. Ирка успокоилась, но все — таки предков не бросала, а у Раскиных ночевала только изредка. Это было так здорово. Софья Ильинична кормила их вкусным ужином, а поздно вечером, когда они уже были в постелях и шептались, приносила по чашке молока и шоколадной конфете. Эти моменты были самыми трогательными и значительными в жизни Ирки.

А еще Ирка полюбила читать. Опять же Софья Ильинична как-то дала ей с собой «Караван»:

— Ирок, почитай, в транспорте скучно ехать, ты журнал хоть полистаешь, он интересный.

Ирка взяла и, выполняя свои курьерские обязанности, катаясь на общественном транспорте, вначале листала, потом стала читать.

Понравилось. Стала брать еще журналы. Потом Лилька подсунула ей Дюма. Прочитала запоем. Потом был Чехов, Толстой, а потом уже все подряд. И с тех пор она стала брать у них книги, относилась к ним очень бережно, даже трепетно.

Когда умерли ее родители, отравились паленой водкой, стыдно сказать, Ирка даже слезинки не пролила, только вздохнула с облегчением. Слезы пришли позже, через несколько дней, и на носу были выпускные экзамены, а тут похороны... Лилькина мать все организовала, помогла получить пособие, сама платила везде, не принимая возражений. А потом еще ходила вместе с Иркой к нотариусу, чтобы оформить квартиру в собственность, и теперь она стала обладательницей двухкомнатной квартиры в центре Москвы.

Ирка была ей очень благодарна и не знала, чтобы сделать такое, что ей приятно будет. Наконец, как-то просто купила огромный букет белых роз и притащила. Топталась в прихожей, ничего не говоря, пока Софья Ильинична ахала над букетом и искала вазу.

Лилька поступила в институт, а Ирка после школы еще несколько месяцев работала курьером, а

потом устроилась в ателье швеей. Шить она умела — у них была машинка, и мама еще до того, как начала пить, часто шила себе, Ирка крутилась рядом и понемногу училась тоже.

Однажды позвонила Лилька и заплаканным голосом сообщила, что отец попал в автокатастрофу, и они с мамой едут к нему в больницу. Ирка тут же все бросила и поехала с ними.

Их ожидало печальное известие — Марк Семенович, не приходя в сознание, умер. В квартире у Раскиных был полный кавардак. Софья Ильинична сидела, уставившись безжизненным взглядом в одну точку. Из Германии приехали родственники Марка Семеновича, его двоюродный брат с женой и дочкой Риммой. Она была на пять лет старше Лильки, вела себя покровительственно и жутко не понравилась девчонкам. Ирка, которая там на это время поселилась, чувствуя недовольство новоявленных родственников, ушла к себе. Все расходы по похоронам взяли на себя сотрудники фирмы.

Поминки были в роскошном ресторане. Ирка сидела рядом с Риммой. Ее удивило, что ее родители, и она сама всем распоряжались и вели себя по-хозяйски. Ловя на себе их презрительные взгляды, Ирке хотелось огрызнуться, но понимая,

что здесь не время и не место, просто посидела некоторое время и незаметно ушла.

Лилька позвонила вечером, узнала, почему та ушла и сказала, что позвонит, когда уедет «святое семейство». Это произошло через неделю. Лилька говорила шепотом.

— Слушай, я из ванной. Эта Римма везде за мной таскается, сует свой нос во все дела. Родители ее уехали, а ее оставили на месяц. Представляешь? Я с ума от нее сойду, одно хорошо — мама от ее выходов очнулась, но пока молчит, ничего не говорит. Я забегу к тебе как-нибудь, ладно?

— О чем речь?

Эта нудная работа просто осточертела. Сиди, как дура, сгорбившись над машинкой и строчи, строчи, старайся, чтобы строчка была ровной, никакой фантазии, а больше приходилось пороть да гладить. От утюга ныли плечи, от постоянного сиденья за машинкой, болела поясница. Не работа — скукотища.

— Главное не шитье, — говорил их начальник Анатолий Николаевич, — а глажка. Все неровности надо уметь загладить.

Неровностей в ее шитье было много, и поэтому она гладила почти весь день. Но еще и закройщица, пользуясь ее неопытностью, старалась ей подсунуть свои огрехи. Вместе с тем Ирка училась и ровной строчке и крою.

Среди портних только одна была ее сверстницей, Катька Кузякина, остальные тетки были средних лет и пожилые, почти все толстые, вечно озабоченные, что купить и чем кормить свои семейства. Ирке было скучно до тошноты слушать бесконечные разговоры про мужей, про детей, какие-то дурацкие кулинарные рецепты.

Она с трудом сводила концы с концами, но в холодильнике теперь всегда была еда.

Квартира давно требовала ремонта, и Ирка решила как-нибудь сама побелить потолок и оклеить обои, но прикинув, во что ей это выльется, отказалась от обоев. Она купила белила и в выходной, попросив у соседки стремянку, стала белить потолок. Вскоре поняла, почему у маляров всегда покрыта голова — белила капали на голову. Повязав платок, продолжила работу. Загрунтовала только потолок на кухне, провозилась весь день, болели руки и спина, а ноги дрожали от напряжения. Но через день, когда все просохло, допоздна красила, закончила только глубокой ночью, утром еле доползла на работу.

Катька Кузякина, сидевшая за ней, без конца тыкала в спину линейкой, не давая заснуть.

— Ирка, глянь, какая ткань! Просто отпад! Вот бы из нее блузочку сшить!

— Нет, — вздыхала Ирка, — лучше платье. Все. Отстань, я и так никак не доделаю эту юбку, морщит в одном месте и все тут.

— А кто кроил-то? Сам?

— Не-а, Антонина.

— Халтурщица, — презрительно фыркнула Катька и зажужжала машинкой.

Ирка опять распарывала, чертыхаясь про себя. Вжик! Утюг плавно разглаживал морщинки. Вжик! Вжик! Вроде ровно.

— Чего тут у тебя? — Подошел Анатолий.

Ирка молчала, не жаловаться же на закройщицу.

— Да что же ты простую юбку сшить не можешь? Ну-ка, дай сюда.

Он разложил юбку на столе и нахмурился.

— Тоня!

Подошла толстая женщина в фартуке, утыканном булавками и с сантиметром на шее.

— Ну что это? Ты чего так скроила? Там же большой кусок был. Покажи остаток.

— Толь, ты чего? Какой остаток? Там впритык было, я и так еле-еле вытянула.

— Ну-ка, зайди ко мне.

Бросив на Ирку недовольный взгляд, Антонина прошла в каморку, именуемую кабинетом, и закрыла за собой дверь. Вышла через несколько минут красная и злая.

— Давай сюда! — Резко выхватила у Ирки юбку. — Набрали безруких, толку от них никакого.

Очень хотелось выкрикнуть ей все, что о ней думает, но Ирка, пересилив себя, сжала зубы и, склонив голову, взялась за следующую вещь. Она гладила ткань — вот это да! Красотища! Белое свадебное платье.

— Что, нравится? — Услышала насмешливый голос Катки. — Эх, мне бы такое.

— А что за фасон? — Поинтересовалась Ирка.

— Да ничего особенного, вон в журнале выбирали.

Ирка долго разглядывала картинку. Ну никак эта ткань сюда не подходила, сюда надо было что-то с фалдами, чтобы спадало.

— Чего глазеешь? — Антонина выхватила журнал и воздушную ткань, взамен сунула ей в руки белый атлас. — Давай берись за подкладку, гляди, чтобы не сборила, лучше иголку поменяй, ткань очень тонкая. Да смотри не сожги!

* * *

Лилька позвонила на работу и сказала, что зайдет вечером. Ирка обрадовалась, она жутко соскучилась. Надо бы чего-нибудь вкусенького купить и прибраться заодно. Так надоело жить с родителями в постоянной грязи, что уборка стала

для нее главным занятием, тем более, что убираться в почти пустой квартире было легко.

После смерти родителей она попросила соседа помочь выкинуть из их комнаты страшный диван, там остался стол, старое разорванное кресло, которое она очень ловко заштопала, а потом сшила из лоскутков хорошенькое покрывало, телевизор на ножках, и тумбочка, на которую она поставила стеклянную вазочку. В спальне у нее тоже была прежняя мебель, только кровать прикрыла тоже лоскутным покрывалом в тон креслу.

На кухне висели вполне приличные полочки, стол, две табуретки и старый холодильник. Полочки, стол и табуретки отдала соседка со второго этажа, а холодильник, хоть и старый, но работал хорошо. Купила в магазине остатков несколько кусков ткани и сшила веселые занавески. Табуретки покрасила, и получилась вполне приличная кухня.

Убрал в холодильник маленький тортик — Лилька очень любила торты — схватила швабру и стал протирать и без того чистый, хоть и облезлый пол. Удовлетворенно окинув взглядом свое жилище, спрятала швабру и посмотрела на потолок. Класс! Здорово получилось! Вот бы еще обои поменять и раковину, и унитаз и ванную. Размечталась! Ничего, со временем она все равно все поменяет, у нее никогда не будет такого хлева,

как раньше. Ирка подошла к трюмо и стала рассматривать себя в мутном зеркале.

Она подняла волосы — вроде неплохо. Может, волосы закалывать, а может, постричься? Жалко, темно-русые волосы так отросли, и красивыми волнами спадали на плечи. А вот ресницы и брови были черные, глаза карие, небольшие, но с очень яркими в голубизну белками, отчего казались очень выразительными, четко очерченные губы. Она хмыкнула про себя и оторвалась от зеркала, услышав звонок.

— Лилька!

— Привет! Сто лет тебя не видела!

— Пойдем на кухню, я торт твой любимый купила.

— Господи! Вот балда. Спасибо, конечно, а я тебе тоже кое-что принесла.

— Это что?

— Это мама тебе прислала. Вот, тут вот отбивные, это пирожки с капустой, это сыр, который тебе нравится, а это твой любимый «Грильяж».

— На черта ты все это принесла?

— Это не я, это мама заставила взять. Говорит, раз ты к нам не ходишь, хоть угостит тебя чем-нибудь. Ты же знаешь, спорить бесполезно. Кстати, я пришла к тебе по делу. Давай, ставь пока

чайник или отбивные вначале погреешь. Я не буду, я дома поела, а от тортика не откажусь.

Пока Ирка возилась с отбивными, Лилька сама достала из холодильника торт, отрезала несколько кусочков и уселась на табуретку.

— Мне кажется, у тебя как-то светлее стало, — заметила она.

— Здравсьте, кажется, — передразнила Ирка. — Посмотри на потолок.

— Господи! — Всплеснула руками. — Неужели сама?! Ну ты даешь! Ой! Ирка, смотри!

Она показала на расплзающееся пятно над раковиной.

— Вот заразы! Ну я им сейчас дам! — Ирка как фурия выскочила из квартиры и, перепрыгивая через ступеньки, поднялась на этаж выше. Она нетерпеливо вдавила кнопку звонка. Послышались неторопливые шаги. Дверь открылась, Ирка буквально снесла стоявшего мужчину и бросилась на кухню.

— Вы что тут, охренели!?

Она полезла под раковину и заорала оттуда.

— Что вы стоите?! Перекрывайте воду! Ну!! — Она высунулась оттуда и посмотрела снизу вверх на стоявшего в недоумении мужчину.

— Масик, — неожиданно пропел женский голосок.

Ирка выпрямилась — перед ней стоял молодой мужчина и насмешливо смотрел на нее, сзади через плечо выглядывала хорошенькая женская головка.

— Вы что, оглохли! Перекрывают воду! Вы меня затопили!

— Ну так бы и сказали. — Он направился к двери, обернулся и, прищурившись, отчетливо добавил — И прекратите орать.

Ирка насупилась и огляделась. Кухня была оборудована, что называется, по последнему слову техники и была раза в два больше, чем Иркина. Ну да, она вспомнила, что новые жильцы купили две квартиры рядом на площадке и переоборудовали в одну. «Богатенькие», — подумала Ирка и насупилась еще больше.

— Милена! Сегодня подсоединяли машинку?

— Ну да.

— Вот черт!

Он показался из ванны.

— Ну пойдете, посмотрим, что там у вас?

— Котик, нам скоро выезжать.

— Да помню я, помню.

Он накинул куртку и пошел вслед за Иркой. Кивнул Лильке и пошел на кухню. Пятно все расплзлось. Сосед огляделся, вышел в коридор и заглянув в большую комнату, вернулся и спросил.

— Вы хотите сказать, что здесь живете? Вот в этом сарае? — Раздельно произнес он с издевкой.

— Это не сарай, а моя квартира, — сквозь зубы процедила Ирка.

— Но это пятно здесь ничего не ухудшило. Так что вы всполошились?

— Я только потолки побелила.

— Да?! Не заметил... Ладно, не сердитесь. Вот вам десять тысяч. Что? Мало? А сколько же вы хотите?

Ирка не могла поверить — десять тысяч. Он идиот или дурак? Надо быстро соглашаться, пока не передумал. Она быстро закивала головой.

— Ну вот и замечательно. — Выходя, он заметил — Вы недавно здесь поселились?

— Я здесь всю жизнь живу.

— Что же вы так живете? Надо ремонт сделать и вообще... Ну всего хорошего.

Ирка с грохотом захлопнула за ним дверь и вернулась к Лильке.

— Вот кретин! Десять тысяч отвалил! Придурок!

— Да не расстраивайся так.

— Лилька! Ты что! Я от радости обалдела. Пусть каждую неделю заливаает, может, я тогда и ремонт смогу сделать.

— Ладно, дай нож, я торт порежу.

Она положила себе на выщербленное блюдо кусочек торта, про себя отметив, что надо бы Ирке посуду какую-нибудь купить, налила чай и поерзала на неудобной табуретке.

— Ну рассказывай, как живешь?

Выслушав Лилькин категорический отказ — Я же сказала, что сыта — погрела одну отбивную со вчерашней отварной картошкой, вторую тщательно завернула и, спрятав в холодильник, уселась напротив Лильки. Вдруг вспомнила, что не положила нож, одна она и так бы съела и с большим удовольствием, но вспомнила, что у Раскиных дома около тарелки всегда лежали вилка и нож. Ей никогда не делали замечаний, но она сама, глядя на них, стала брать нож в правую руку, а не откусывать прямо от куска, нацепив его на вилку.

Вот и сейчас она степенно отрезала небольшой кусочек, положила в рот и закатила глаза.

— Господи, как вкусно! Передай маме огромное спасибо.

— Ирка, ну хоть иногда бы заходила. Мама всегда спрашивает, почему Ира не приходит, она будет рада, ты же знаешь.

— Ну что я буду к вам жрать ходить? И потом там еще эта цаца.

— Цаца уезжает через два дня, я билеты видела, а ты дуреха! Ну чего не приходишь? Говорю же, что мама рада будет. Кстати, она хотела тебя попросить кое-что переделать из вещей. Что-то она похудела в последнее время и очень бледная, а к врачу не идет. Прямо хоть силой ее тащи! — Она посмотрела на пустое блюдце, состроила гримаску и решительно отрезала еще кусок. — Ир, ну что там у тебя на работе?

— Да ничего интересного. Тоска зеленая. Пока не доверяют ничего стоящего. Еще закройщица, зараза, так скроит, что замучаешься потом. Да и черт с ней! Лилька рассказывай, что у тебя в институте?

— Знаешь, если все учить, времени совсем не остается. Потом, сама знаешь, память у меня паршивая, ни черта не запоминаю.

— А как там ваша первая красавица? — Ревниво спросила Ирка.

— Оксанка? Она сейчас вся в любви. За ней парень один ухаживает с последнего курса, на такой тачке крутой ездит.

— А тебя кто провожает?

— Провожает? — Лилька замаялась.

— Ладно, колись. Наверняка влюбилась.

Ирка помнила, что Лилька постоянно пребывала в состоянии влюбленности. Она была жуткая фантазерка, придумала как-то, что Петька

Кравченко похож на Мела Гибсона и сразу же в него влюбилась, краснела в его присутствии, тарасилась влюбленными глазами, в общем, вела себя как последняя дура.

Тарасилась, примерно, полгода, а потом внезапно показала на новенького паренька из параллельного класса.

— Это же вылитый Николас Кейдж, — шептала с придыханием.

Петька был забыт, началось новое увлечение. Дело дошло до постели.

Лилька поделилась впечатлением.

— Ну совсем не понравилось. Нет, Ир, не буду больше влюбляться.

Но потом был «Клод Ван Дамм, Шон Коннери». Последним был «Джеки Чан» — это был узбекский мальчишка, который жил в многодетной семье в подвале Иркиного дома.

— Ну, не влюбилась, а просто... просто нравится один паренек.

— На кого похож?

— Вылитый Антонио Бандерас.

Ирка прыснула.

— Раскина! Ты неисправима!

— Честно, Ир, просто вылитый, одно лицо.

— Вы встречаетесь?

— Да он меня в упор не видит. У нас девочка одна есть, ну очень хорошенькая.

— Ну и что?

— Что, что? Из нашей группы в нее все влюблены. Слушай, Ир, может, мне прическу поменять?

Ирка критически посмотрела на пышную Лилькину шевелюру и угрожающе сказала:

— Не вздумай остричь! У тебя такие классные волосы, как в рекламе шампуня.

— Я знаю, что хорошие, но надоело, хочется чего-то другого. А может покраситься?

— Не знаю, сама вот думаю, может, прическу поменять?

— Ага. Свои волосы не жалко стричь? У тебя-то ведь не хуже. Ой! Слушай, давай сходим в салон к тете Любе, маминой подруге.

— Там, наверное, цены. — Она выразительно закатила глаза.

— Я спрошу... Кстати, Белова, а с чего это ты захотела прическу поменять? Тоже, что ли влюбилась?

— Ты же знаешь, я не влюбчивая, просто как-то... сама не знаю, захотелось и все.

Лилька с какой-то жалостью смотрела на подругу. Ирка здорово изменилась и в лучшую сторону. Раньше была похожа на мальчишку, всегда в джинсах, свитерах и майках. В одиннадцатом классе неожиданно повзрослела, куда-то делась ее угловатость, резкость. Движения

стали плавными, появилась женственность, на нее стали обращать внимание мальчишки, но она с обычной грубостью всех отшивала, никому не отдавая предпочтения. А сейчас она стала просто красоткой.

— Ирка, ты на себя в зеркало давно смотрела?

— А что?

— Да ты прямо вылитая Сандра Баллок.

— Да ну тебя.

— Ир, вот скажи, неужели тебе никогда не хочется влюбиться?

— Хочется, — односложно ответила подруга после небольшой паузы. Покосившись на нее, Лилька вспомнила, как некоторые парни пытались за ней ухаживать, а потом обходили стороной, а одного даже фингалом наградила, над ним все потом смеялись.

— Знаешь, — вздохнула Лилька, — мы с тобой просто ископаемые какие-то. Все вокруг уже спят всюю, я-то хоть попробовала, что это такое, а ты. Вон у Ивлевой уже ребенок, Петька женился, Коробочкина гуляет налево и направо, а тут хоть пропади. Самое главное, я ведь не прочь постели, но почему-то меня даже не тянут туда, не будешь же сама предлагать, правда?

— Еще чего?! Не дождётся! А вообще я думаю, что не было еще у тебя настоящей любви.

— Господи! Да мне уже сто лет, когда же она будет?! Нет, — Лилька тяжело вздохнула, — видимо, во мне чего-то не хватает.

— Значит, и во мне чего-то не хватает.

Они критически оглядели друг друга и прыснули.

— Нет, все-таки мы две дурынды.

— Послушай, Ир, может, тебе поучиться?

— Ну да, а кто работать за меня будет?

— Подожди. Можно ведь и заочно.

— Да куда мне идти?

— У тебя с математикой очень хорошо было, давай подумаем. Черт! Надо было ноутбук взять, мы бы сразу посмотрели, где и что. Вот видишь, все — таки тебе придется к нам прийти.

— Ладно, забегу послезавтра. Ты поздно придешь?

— Я в семь всегда дома. Это ты работаешь допоздна.

— Ну я постараюсь пораньше... Слушай, Лиль, а как у вас сейчас с деньгами?

— Честно? — Помедлила с ответом, вздохнула — Мама не говорит, но, по- моему, денег мало. Да откуда им взяться? Родители никогда не копили на «черный день». Я думаю, может где-нибудь подработать? Помнишь, ты курьером работала в турфирме? Ну что ты так смотришь? Я

как представляю, что надо за учебу платить и надо просить у мамы деньги.

— Лилька, а сколько же ты платишь за учебу?

Услышав ответ, присвистнула.

— Ни фиги себе! А сколько еще тебе учиться?

— Да совсем немного, сейчас экзамены сдам, потом лето, потом, полгода и диплом. Я бы хоть летом поработала.

* * *

Чертовы пробки! Опять Милена будет дуться. Горин ухмыльнулся, наверняка она придумала себе это имя. Интересно бы и в паспорт заглянуть, заодно узнать, сколько ей лет и откуда родом. Милена! Черт знает, что! И угораздило же его связаться с этой куклой! Сколько они вместе? Кажется, месяца четыре... нет, пожалуй, уже пять. Вроде привык. Но к этому «масик, котик, мальчик» — к этому привыкнуть невозможно. Может, купить ей колечко и попроситься. На Гавайи свозил, в Карловы Вары отправил, шубку купил... вроде она на машину намекала, н-да... однако, дороговато она обходится.

Вчера соседку залила — шланг с машинки сорвало. Конечно, она не виновата, но могла бы и проследить, что там эти уроды делали. Да повернет когда-нибудь эта курица на «Мазде»? Слава богу!

Повернула. Черт! Теперь светофор. Нет, надо на метро ездить. Зазвонил его мобильник. Опять этот дурацкий «пупсик, мой сладкий пупсик»!

— Алло!

— Масик, это я.

— Я догадался по мелодии. — Сегодня что-то особенно его раздражал ее голос.

— Послушай, я же просил тебя убрать этот «пупсик». Я встречаюсь с солидными людьми — и вдруг «пупсик».

— Ну это же так миленько. Я не понимаю, чего ты сердишься?

— Зачем ты звонишь?

— Сержик, я забыла, куда мы сегодня идем?

— На юбилей к Хубларяну.

— А кто там будет?

— Все твои знакомые.

— Ты что?! — Взвизгнула Милена.

— Что случилось?

— Ты что, не мог раньше предупредить? Я бы что-нибудь купила. Мне совершенно не в чем идти.

— Опять двадцать пять, — процедил сквозь зубы. Сейчас начнется нытье и перечисление, в чем она была на открытие выставки, на презентации и в театре и т. д. и т. п.

— У Камориных костюмчик... в «табакерке»... платице..., вспомни, в чем она

была... Чернобурка. А я как всегда в этом... Как дура, просто как дура!

— Хватит! Надоело!! — Завопил он, не сдержавшись.

На том конце наступила тишина, потом обиженный голосок жалобно пропищал.

— Масик, что с тобой? Зачем ты так кричишь на меня?

— Милена! Мне надоело постоянно выслушивать твои жалобы. Если тебе нечего надеть, сиди дома. — Он с силой вдавил кнопку и отключился. Настроение вконец испорчено. Как же она его достала! И как это у нее получается? Проехав квартал, он немного успокоился. Сам дурак. Прекрасно видел, что собой представляет эта девушка, да она, собственно, никогда и не скрывала, что ей нужно от него. Только деньги. Вытянуть, как можно больше. Сзади засигналили, Сергей не заметил загоревшуюся стрелку. Нет, так невозможно. Сейчас дома начнутся разборки. Пожалуй, с него хватит. Достала!

Горин стоял у подъезда и искал в кармане кодовый ключ, когда внезапно отворившаяся дверь едва не хлопнула его по носу. Он отпрянул, пропуская пролетевшую мимо девушку.

— Ненормальная, — пробормотал вслед Девушка остановилась, обернулась и прищурилась.

— Это вы мне?

— А-а, это вы? Ну, тогда понятно.

Девушка сделала шаг навстречу, с явным намерением поругаться, потом махнула рукой, бросив негромко — Да черт с тобой, — и скрылась за углом.

Ее поведение неожиданно развеселило. Ну и ну, просто фурия.

Поднимаясь на лифте все вспоминал, как она грозно обернулась. Черт! А ведь она интересная девка. Длинноногая — это он вчера отметил, когда она мелькала перед ним в коротком халатике. Глазищи горят, волосы развеваются — настоящая фурия. Он не заметил, как остановился лифт, и тут же послышался щелчок захлопнувшейся двери. Милена!

Он не стал звонить в дверь, открыл ключом. Краем глаза заметил ее скорбно сидящей в кресле. Слезы выдавливает. Сделав вид, что ее не замечает, разделся и прошел в ванную. Все-таки у воды есть неоспоримое качество — успокаивать. Вот постоял немного под душем, и все раздражение и злость, «как водой смыло».

«Ладно, — подумал он, растираясь полотенцем, — пойду мириться».

Он, как ни в чем не бывало, вошел в гостиную и, посмотрев на часы, заметил:

— Через сорок минут пора выходить. Ты успеешь собраться?

— Ты что не понял, мне же не в чем выйти.

— Замечательно.

Он направился в спальню одеваться, оставив ее в недоумении. Что это с ним? Неужели не видит, что она обижена, расстроена, заплакана. Может, мало глаза потеряла — незаметно? Но если сильнее потереть, потом так и будут красные весь вечер. Милена поерзала, посмотрела на себя в маленькое зеркальце, лежавшее рядом, потеряла кулачками глаза, глубоко вздохнула и со скорбным личиком пошла в спальню. Может, он догадается, наконец, дать ей хотя бы денег.

Сергей стоял почти полностью одетый, выбирал галстук, на нее даже не взглянул.

— Сержик, этот галстук не подходит к этому костюму.

— Зато к рубашке подходит идеально.

Со вкусом у нее проблема — иногда так вырядится, хоть падай. Но красивое личико и хорошая фигура, а также апломб, с которым это все носилось, ее выручало, даже некоторым нравилось.

— Ты идешь?

В ответ — вздох со всхлипом, потом трагический шепот.

— Если ты настаиваешь, я пойду.

— Как раз, не настаиваю.

— Ладно, я пойду.

Трагизм из интонаций убрала, значит, испугалась.

— Кстати, у нас есть что-нибудь перехватить?

— Что ты имеешь в виду? Обед?

— Неужели приготовила? — Он замер в ожидании ответа. Вначале сопение, потом вздох.

— Я не кухарка. И потом, мы собирались уходить.

— Хорошо, — он опять начал раздражаться, — мне не нужен обед, но какой-нибудь элементарный бутерброд с колбасой. У нас в холодильнике мышь удушилась, непонятно, для чего он вообще стоит. Разве трудно сходить в магазин и купить колбасы какой-нибудь, сыра... У нас даже хлеба нет!

— Масик, но ты же согласился со мной, что хлеб — это вредно. Не только мне надо за фигурой следить. У нас есть йогурт, ростки пшеничные, отруби, сухарики финские. Ну чего тебе еще надо?

— Все. Ничего не надо. Пойду хоть кофе выпью.

На кухне со вчерашнего дня было не прибрано. Ну да, все правильно, ведь Елена Васильевна на сегодня отпросилась. Он все — таки открыл холодильник, хотя не надеялся там найти что-нибудь съедобное.

Захлопнул дверцу и зашуршал сухарями. Есть охота — просто сил нет. Конечно, в ресторане все

будет на высшем уровне, но пока все соберутся, пока усядутся.

— Я готова, — тихо прошелестел голосок.

Он обернулся и чуть не прыснул. Сиреневая узкая юбка с разрезом впереди по самое некуда, розовая прозрачная кофточка и сверху оранжевые перья — боа.

— Тебе что, не нравится?

— Убери эти ужасные перья, у тебя же есть меховая накидка.

— Масик, ты просто ничего не смыслишь в женской моде.

Он хотел было возразить, но подумал, что переодевание затянется еще на полчаса, и он тогда уж точно умрет с голода. Черт с ней! Пускай будут перья!

Открывая дверь в ателье, Ирка услышала шум, выделялся визгливый голос закройщицы. Она заглянула в комнату.

— Вот она! Явилась! Полюбуйтесь! Что наделала, а? Кто за это заплатит? — Антонина Семеновна потрясала куском белой ткани на свадебное платье.

— Что случилось?

— Еще наглости хватает спрашивать!

Ирка нахмурилась, подошла поближе и увидела на платье темное пятно от утюга. Она непонимающе уставилась на закройщицу. Подошел

Анатолий Николаевич и, поджав губы, стал рассматривать подпалины.

— Кто это гладил?

— Она, кто же еще! — Показала пальцем на Ирку.

— Я не гладила это, только подкладку, вы же сами мне дали!

— А! Ты еще спорить!? Нахалка!

Это был предел.

— Ах ты, старая галоша! Сама скроить толком ничего не может, а на других сваливает! — Ирка, выпятив грудь, грозно пошла на закройщицу.

Та явно не ожидала отпора и несколько растерялась.

— У тебя руки, как крюки! Надоело за тобой переделывать, да еще воровка!

— Заткнись!

— Я тебе щас заткнусь! Я тебе щас сделаю бледную улыбку и макаронную походку! Зараза! — Она обернулась к начальнику — А вы?... Вместо того, чтобы разобраться с ней, всегда покрываете. Вы что, ослепли? Не видите, что она вещи портит, да остатки ворует? А это платье я в руки не брала, наверное, сама и испортила. — Ирка оглядела собравшихся вокруг женщин.

— Ну-ка, кто видел, кто это платье гладил?

— Я видела, — неуверенно сказала Катька. — Антонина Семеновна, что же вы? Я позавчера,

когда уходила, платье вот тут лежало совершенно целое, а Ирки уже и не было, вы одна оставались.

— Сговорились, — всхлипнула закройщица. Потом вытерла глаза, подняла голову и произнесла — В общем, так — или я или она. Я с этой грубиянкой работать не буду.

— Я сама здесь не останусь. Напугала ежа голой жопой!

— Подожди, Ира. — Анатолий Николаевич прокашлялся. — Нужно разобраться. Зачем горячку пороть? И потом за тобой еще несколько вещей.

— Я доделаю и уйду. Все!

Никто не настаивал, чтобы она отработывала две недели, и через три дня Ирка весело шагала по Чистым прудам и ела мороженое, которое обожала. Но веселье было напускным, в душе она была расстроена увольнением. Куда пойти? Что делать? Работать в ателье? Ни за что!

Можно брать заказы на дом. Вон, Полина Федоровна из пятой квартиры просила юбку сшить и... И все. Ладно, подсчитает свои сбережения и тогда что-нибудь придумает.

Она перешла площадь и пошла дальше по Сретенскому бульвару, потом повернула на Сретенку. Проходя мимо цветочного, решила купить букетик для Софьи Ильиничны, ей будет приятно. В магазинчике был один покупатель, молодой, хорошо одетый парень с объемным,

неудобным свертком подмышкой. Ирка встала рядом и наблюдала, как этому растяпе продавщица подсовывала сломанные цветы. Он только поправлял очки на носу да возился со свертком.

— Девушка! — не выдержала Ирка, а продавщица вздрогнула. — Вы что, не видите? Эти герберы полчаса не проживут. Дайте вон те, темные. А у этой розы сломанная ножка.

Продавщица стиснула зубы и бросила на нее совсем не дружелюбный взгляд, а парень, в очередной раз поправив очки, неожиданно попросил.

— Вы не могли бы мне помочь подобрать цветы. Это для мамы, — пояснил он.

— Тогда это все не годится.

— Доверьтесь лучше профессионалу, — вмешалась продавщица. — Зачем слушать случайных прохожих?

— Значит так, — не обращая на нее внимания, начала Ирка, расхаживая по магазину. — Вот эти розы. Нет, не те, те слишком темные, — она обернулась к мужчине. — Вы на какую сумму рассчитываете?

— Это неважно, выбирайте, что нравится.

— Отлично, — пробормотала Ирка и продолжила выбирать.

Букет получился не очень большой, но выглядел ярко и нарядно.

— Добавьте пару веточек аспарагуса. Все. Достаточно. — Она сама залюбовалась букетом и обернулась к мужчине.

— Ну как? Вам нравится?

— Очень. Весьма благодарен.

Пока он расплачивался, Ирка выбрала три нежно-розовые розы и полезла за кошельком. Но парень не дал ей заплатить.

— Это в благодарность за помощь.

Девушка хотела отказаться, а потом передумала, да пускай платит, если деньги есть. Они вместе вышли на улицу.

— Вы любите классическую музыку?

Она хотела уже мотнуть головой, но вспомнила про Лильку и закивала.

— Тогда предлагаю два билета в консерваторию на мой концерт.

— Так вы музыкант?

— Да, скрипач.

— Я приду с подругой, она обожает такую музыку.

— Я буду очень рад. А если не сможете, позвоните, я вам дам билеты на другой концерт, — он полез в карман, придерживая подбородком свой сверток, достал визитную карточку, протянул и представился — Евгений, — и выжидающе посмотрел.

Ирка похлопала глазами, потом спохватилась.

— Ира... Ирина.

— Ну, до встречи. Только после концерта сразу не убегайте, хорошо? Пойду искать машину, где-то оставил в переулке.

Так приятно было вновь оказаться в квартире у Раскиных. После смерти Марка Семеновича атмосфера стала другой, то есть, дом был по-прежнему гостеприимным, но хозяйка почти не смеялась и говорить стали как-то тихо, как будто боялись кого-то разбудить.

— Ирочка, здравствуй, моя хорошая. Ой, какие цветы! Спасибо... спасибо Она ушла за вазой, у Ирки сжалось сердце — от Софьи Ильиничны осталась тень. Она действительно очень похудела...и вообще совсем не такая.

— А что Лильки еще нет?

— Сейчас должна прийти. Пойдем, я тебя покормлю.

— Нет, Софья Ильинична, пока ее нет, давайте померяем, что вы хотели переделать.

— А, ты про вещи. Ну пойдем в спальню.

В глаза бросился портрет Марка Семеновича, стоящий на тумбочке. Цветы Софья Ильинична поставила рядом с портретом. Открыла шкаф и достала две юбки и брюки.

— Вот, Ирок, смотри. Видишь, как я похудела.

— Да вы сейчас, как фотомодель, Софья Ильинична. Так, надевайте эту юбку, посмотрим, на сколько ушить.

Ирка стояла на коленках, загибая и подкалывая ткань. Про себя отметила болезненную худобу женщины. Они заканчивали, когда вернулась Лиля.

— Привет, — заглянула в спальню и, заметив цветы, добавила. — О, цветы! Какие красивые. Мам, я купила молоко и творог.

— Вот и отлично. Вы пока посплетничайте, а я разогрею жаркое.

Девушки расположились в Лилиной комнате.

— Слушай, Лилька, Софья Ильинична жутко похудела, надо ее врачу показать, хоть анализы сдать.

— Да не слушает она меня.

— Ладно, я сама попробую. Лилька, ты любишь классическую музыку?

— Ты же знаешь, что люблю.

— Вот два билета в консерваторию на какой-то там скрипичный концерт.

— Ну ка, — Лилька посмотрела билеты и с удивлением уставилась на Ирку.

— Только не говори, что ты их специально купила.

— Вот еще! — Фыркнула Ирка. — Стану я на всякую тягомотину деньги тратить, — и рассказала, каким образом у нее оказались эти билеты.

— А парень-то симпатичный?

— Не знаю... Так, растяпа какой-то.....Но, вроде, хороший.

— Ну ты даешь, Белова! Тебя мужик на концерт приглашает, а ты даже не рассмотрела его как следует.

— Да чего мне его рассматривать?! Он цветы покупал, а его дурили, подсовывали уже увядшие, а он, полный лопух, только ушами хлопал да очки поправлял.

— Так, выяснили, что в очках. А рост?

— Что рост?

— Какого роста?

— Нормального. Господи! У меня бумажка есть. Визитка! — Она вышла в прихожую и принесла свою сумку — Вот, смотри.

— Евгений Полянский. Хм. Звучит.

— Девочки, — заглянула Софья Ильинична, — идите мыть руки и ужинать.

— Надо же, — произнесла Лилька, когда мать скрылась, — улыбается... как прежде. Это потому что ты пришла. — Они вдвоем, как прежде зашли вместе в ванную. — Ну что тебе трудно приходиться почаше?

Ирка вытерла руки — Теперь могу хоть каждый день, я пока безработная.

— Да ты что?

Они уселись за стол.

— Мам, а Ирка теперь безработная.

— Как же так, — забеспокоилась Софья Ильинична. — Тебя что, уволили?

— Ну да? — Ухмыльнулась Ирка. — Меня уволишь? Как же! Держи карман шире! Сама ушла. Так что. В общем, пока не найду работу, может, вы, Софья Ильинична поспрашиваете у знакомых. Я могу пошить юбки, брюки, могу переделать что-нибудь.

— Хорошо, Ирок, поспрашиваю. Ну вы кушайте, я пойду, прилягу.

Лилька проводила ее любящим взглядом и вздохнула.

— Тяжело ей без папы...

После ужина девушки прошли в Лилькину комнату и Лилька, открыв ноутбук, стала смотреть заочные учебные заведения, но Ирка сказала, что пока не найдет работу, даже думать не хочет ни о какой учебе.

Перед уходом заглянула в спальню, где прикрывшись пледом, лежала Софья Ильинична.

— Софья Ильинична, вы почему к врачу не идете?

— Да ну их. Начнут всякой химией пичкать.

— Вы это бросьте. Что вы как бабка неграмотная рассуждаете? Мне даже неловко слушать. Лилька, — обернулась к подруге, — ну-ка, позвони, узнай, когда там врач принимает?

— Какой?

— Терапевт, какой же еще. Пусть направление даст на анализы. Надо провериться.

Лиля открыла компьютер.

— Чего ты не звонишь-то?

— Сейчас все в компьютере можно узнать... Так... открылось. Ну вот, завтра с утра. Непонятно есть запись или нет.

— Ни фиги! Не надо никакой записи. Я сама с ней завтра пойду. Все, Софья Ильинична! Отговорки не принимаются. Давайте пойдем последними, значит, в 11 я у вас. Договорились?

— Раз отговорки не принимаются, Договорились!

* * *

Очередь была большая — Ирка насчитала перед ними 7 человек, а до окончания приема оставалось сорок минут. Ирка посадила Софью Ильиничну, сама встала у двери, бормоча под нос.

— Это на каждого примерно по пять с половиной минут. Класс!

Вдруг вспомнила про карту и умчалась в регистратуру.

— Вы по записи?

— Без записи.

— Тогда не положено.

— Значит, так. Вы сейчас мне даете карту, а врач пусть решает, положено или нет. Женщине очень плохо, может, ее сразу в больницу надо.

— Ладно, — устало махнула женщина за стеклом, — вот вам карта, если врач не примет, то не знаю...

— Пусть попробует, — пригрозила Ирка и порысила к кабинету.

Высунулась медсестра, посмотрела на Ирку.

— Вы что, тоже к нам?

— К вам.

— Как фамилия?

— Раскина Софья Ильинична. Вон она сидит, я сопровождающая.

— А вы не записаны. Без предварительной записи врач не принимает.

Ирка разозлилась.

— А ты что, врач? Ты чего за нее решаешь, кого принять, кого не принять?! Я сейчас позвоню в Департамент и будешь у меня иметь бледную улыбку и макаронную походку.

Медсестра быстро скрылась за дверью, но следующей вызвала Раскину. Ирка хотела зайти

вместе с ней, но Софья Ильинична попросила подождать ее в коридоре.

— Не вздумайте деньги совать, — зашипела Ирка, — а то я вас знаю...

Софья Ильинична вышла через некоторое время с кучей бумажек, присела на банкетку.

— Ну вот, видишь, сколько, — со вздохом стала разбирать. — Запутаетесь в них.

— Ну-ка, дайте сюда. — Ирка бесцеремонно отобрала у нее бумажки и стала молча читать, потом подняла глаза на Софью Ильиничну и улыбнулась.

— Вот, зараза, ни черта не понятно. А знаете, говорят, чем непонятнее почерк у врача, тем выше у него квалификация.

Софья Ильинична засмеялась.

— Как хорошо, что ты со мной пошла. Спасибо тебе большое.

— Да за что спасибо то? Мы еще ничего не сделали. Сейчас сбегая узнаю, когда тут анализы сдают.

Она сбегала на второй этаж, внимательно изучила расписание сдачи анализов, потом сбегала на третий в кабинет УЗИ. Оказалось, что там сейчас идет прием. Заняла очередь и пулей за Софьей Ильиничной. Усадив ее у кабинета УЗИ, побежала на первый, там снимали кардиограмму. Узнав, что

езде нужна карта, опять пошла в регистратуру и выпросила карту на руки.

— Софья Ильинична, не забудьте карту забрать, пойдем кардиограмму сдавать.

Почти до четырех часов они пробыли в поликлинике, Софья Ильинична совсем побледнела, Ирка даже встревожилась. Она проводила ее до дома, а сама вернулась к себе и занялась шитьем.

Еще несколько месяцев назад она купила себе отрез на юбку. Этот шелк сразу привлек внимание. На черном фоне узор из желтых, светлокоричневых и терракотовых геометрических фигур. Ирка разложила ткань на столе, притащила журналы и задумалась, какой фасон лучше выбрать. Неожиданно в дверь позвонили, она чертыхнулась и пошла открывать — оказалось, это соседка с десятого.

— Привет, Лена Васильевна.

— Ир, я к тебе вот с каким предложением. Ты знаешь, что я убираюсь в 58, так там, у жены хозяина проблема одна — надо переделать кое-что, говорит, что выйти не в чем. Чудная, ей-богу, шкаф забит, а носить нечего.

— Все правильно, — подтвердила Ирка. — У нормальной женщины так и должно быть — шкаф забит, а носить нечего. Что надо-то?

— Я ей сказала, что есть у нас одна портниха, все переделает и очень удобно, прямо здесь, в

нашем доме. В общем, если ты свободна, давай я тебя познакомлю.

— Так это что, надо мной, что ли? —
Нахмурилась Ирка.

— Ну да.

— Да она придурочная какая-то... —
Вспомнив, как та обращалась к мужу, и
фыркнула. — Масик... котик.

Елена Васильевна развеселилась и замахала
руками.

— И не говори, просто умора слушать, а он
скривится весь, как от зубной боли, ох, не могу, —
закатилась она.

— Да ну их, Лена Васильевна, не пойду.

— Ты что, дуреха, там же заработать можно.
Ты же вроде сейчас безработная.

— О! Уже разведка донесла.

— А ты как думала? Ладно, Ирка, давай
соглашайся, что у тебя деньги лишние?

— Хорошо, пойдем, только переоденусь.

Она быстро скинула халатик, натянула
джинсы и футболку.

Им открыла девушка, лицо которой было
намазано клубникой. Запах стоял обалденный. Ирка
невольно сглотнула. Вот балда, нет, чтобы съесть
такую вкуснятину. Вздохнула — у богатых свои
привычки.

— Ой, это вы к нам приходили тогда?

Ирка кивнула.

— Ну вы утрясли этот вопрос?

— Вполне, — процедила Ирка, раздражаясь.

Могла бы хоть извиниться.

— Елена Васильевна порекомендовала вас, как хорошую портниху Ирка промолчала.

— Ну, я не знаю, — протянула девушка, а Ирка подумала: «Фальшивка».

— Как хотите, я не навязываюсь, у меня итак работы полно.

— Ладно, — милостиво кивнула та головой. При этом кусочек клубники отвалился. Она даже не подумала поднять, отвернулась к Елене Васильевне.

— Не забудьте убрать, — кивнула на пол и поплыла по квартире, остановилась.

— Ну что же вы? Идите за мной.

Ирка скрипнула зубами, но все-таки пошла.

Огромная кровать была завалена кучей одежды, дверцы зеркального шкафа раздвинуты, а там... Ирка никогда не видела столько одежды.

— Вот, — девушка выудила из одежды, сваленной на кровати, брюки.

— Эти брючки надо немного расставить.

— Они же новые, — заметила Ирка, удивляясь про себя, на фиг нужно было покупать новые брюки, которые малы.

— Да, видимо, новые, но я их давно покупала, не помню, кажется, в Париже. Ирка стала разглядывать швы.

— Только с боков можно. Вы померяйте, я выйду.

— Елена Васильевна! — Позвала хозяйка. — Побудьте пока с девушкой.

Ирка в недоумении переглянулась с соседкой, потом только дошло — не доверяет. Стало обидно и тошно.

— Можете зайти, — донеслось из спальни.

Брюки действительно были маловаты и слишком длинные.

— Длина — это ерунда, а вот где можно расставить... В общем, я распорю, а потом померяете. Давайте я мерку сниму.

Потом были две юбки, одну переделать полностью, а другую подкоротить, еще два платья, вечерних, наверное, которые тоже надо было полностью переделать.

— Сколько вы берете?

Ирка прикинула и назвала цену несколько выше, но заказчица согласилась. Ирке выдали объемистый пакет, в который уложили вещи и на прощание кивнули головой — аудиенция окончена. Елена Васильевна проводила до двери.

Переделка иногда занимает больше времени, чем пошив новой одежды. Надо распарывать,

отглаживать, в общем, мутотень, но Ирка с энтузиазмом взялась за работу. В первую очередь для Софьи Ильиничны. Ее вещи были готовы к вечеру, а вот соседкины.

Ирка долго разглядывала платье — какое красивое, только вот эту пелеринку к нему надо убрать. Не удержалась — померила. Платье сидело точно по фигуре. Ирка долго разглядывала себя и пришла к выводу, что ей нужно сшить такое же платье. Ничего сложного там нет, но ткань...

В магазине было еще мало народа, продавщицы не спеша, бродили по залу, поправляя товар и вывешивая новый.

— Девушка, — обратилась Ирка к одной продавщице, — вы не можете мне подобрать ткань. Вот у меня такое платье, я хочу такое же. Может, у вас есть что-нибудь подобное?

— Хм, а вы знаете, мы как раз получили почти такую же. — Она обернулась к витрине и откуда-то снизу вытащила кусок ткани. — Ну-ка, взгляните.

— Господи! Один в один. А как же такое можно? Вроде, тут написано «Канада».

— Правильно, они получают из Украины и мы оттуда. Ну как, берете?

— Конечно, даже нечего говорить.

Дома, она как ненормальная, кроила, шила, гладила, мерила. Вечером вспомнила, что не пообедала. Быстро отварилапельменей. Хотела с

каким — нибудь соусом, но в холодильнике ничего не оказалось. Ну и ладно, можно и без соуса. Вспомнила, что есть уксус. Разбавила его с водой, солью и перцем. Поставила на стол тарелку, приборы и собиралась уже выложить пельмени, как раздался звонок в дверь. Кого еще принесло?!

— Здрасьте, это я, — в дверях стояла Катька Кузякина.

— Вижу, — мрачно ответила Ирка и посторонилась, пропуская ее.

— Ир, а чем это у тебя так пахнет? — Принюхалась вечно голодная Катька.

— Пельменями. Проходи, сейчас есть будем.

— Ой, а я кекс купила, «Столичный».

— Здорово, вкусный кекс. Давай, иди руки мыть.

Она поставила еще одну тарелку, заглянула в холодильник — там был эн. зе. — банка шпрот. Вздохнув, достала ее и открыла.

— У-у, у тебя тут пир.

— Не обольщайся. Пира никакого нет, только шпроты и пельмени.

Кузякина уселась за стол и скромно сидела, положив руки на коленки.

— Руки должны быть на столе.

— Чего? — Встрепенулась Катька, — а-а, — положила руки рядом с тарелкой и выпрямила спину. — А теперь чего?

— А теперь ешь.

Ирка сама положила ей на тарелку несколько шпротин. Катька потянулась вилкой за хлебом.

— Хлеб руками берут.

— Да? — Удивилась Катька. — А я думала, так культурнее будет. Слушай, Белова, а ты откуда знаешь, как надо? Вроде у тебя предки тоже алкашами были, как и мои.

— Во-первых, они не всегда были алкашами, вначале были нормальными людьми, а во-вторых, общалась с интеллигентными людьми.

— Ну да, это мы лимита, — засопела Катька.

Ирке стало стыдно, она вспомнила, что Софья Ильинична ни разу не сделала ей замечания.

— Кать, не обращай внимания, ешь, как хочешь.

Катька не дожидаясь повторного приглашения, набросилась на еду.

Ей не так повезло, как Ирке — она жила вместе с родителями, которые не просыхали, а она одна работала и кормила семью. Еще отсылала часть денег в деревню, бабушке у которой находилась младшая сестренка. Конечно, она очень нуждалась, и Ирка ее жалела и иногда подкармливала, а для Катьки было лучшее время, когда она могла вот так спокойно посидеть и не думать, что сейчас начнется очередной скандал с дракой и милицией или приставания бесконечных

дружков. Она даже некоторые свои вещи хранила у Ирки — боялась, что родители пропьют.

— Кать, а вы в Москву давно приехали?

— Папка давно... лет двенадцать, наверное, а мы, как я девятилетку кончила.

— А зачем приехали-то? Там что, плохо было?

— У нас в Ямках очень даже хорошо было, и сад был, и яблони, и вишни, огурчики, картошка, редисочка... — Она вздохнула, — мы-то с мамкой на огороде, а папке совсем нечего делать. Вот он и подался в Москву, в Мытищи. Там на стройке работал, потом его в бригаду взяли строительную, они дома богачам строили, а он плотник, знаешь какой — на всю округу один.

— А вы потом приехали?

— Ну да, продали наш дом, сестренку маленькую у бабушки оставили, у нее там тоже домик стоит, и купили в Москве комнату в коммуналке... А потом бригада распалась, папка без работы остался и запил, а мамка за ним, а я вот в ателье устроилась.

— Так ты в Москве живешь?

— Ну да, в Мытищах.

Ирка хотела возразить, что Мытищи — это не Москва, но решила не переубеждать ее.

— Ир, а ты работу нашла? — Катька с фантастической быстротой поглощала пельмени.

— Не-а, — Ирка встала, поставила воду, чтобы сварить оставшиеся пельмени.

— А как же теперь? — Вытаращилась Катька.

— Пока беру на дом.

Катька задумалась, даже жевать перестала, потом вздохнула.

— Черт, а я не могу, итак боюсь, что машинку пропьют... Ир, а можно я ее к тебе притараню?

— Ну притарань.

— Я ведь могу иногда у тебя чего-то пошить, правда?

— Правда, — она помедлила, но решила расставить точки над «и», чтобы зря не обольщалась. — Кать, ты иногда можешь тут переночевать, но жить я буду только одна, поняла?

— Поняла, — поникла та. — А сегодня можно переночевать?

— Можно. Кстати, я тебе могу халтурку подбросить.

— О, — она потерла радостно руки, — вот это здорово.

— Раз у нас машинка пока одна, ты сегодня будешь распарывать. Только, смотри, чтобы аккуратно.

Уже лежа в кровати, подумала, что если они с Катькой вдвоем будут шить, можно было бы набрать заказов. Только, где их брать? Катька скрипела диваном в соседней комнате, видимо,

тоже не могла заснуть. Ирка усмехнулась, а ведь они похожи. В свое время ей помогали Софья Ильинична и Лилька, а теперь вот и она помогает. А это приятно помогать.

* * *

Платье получилось шикарное. Вот в нем она и пойдет в консерваторию. Наверное, к нему надо бы сумочку небольшую, а не такую торбу, как у нее. Ладно, сумку она у Лильки попросит, а обувь... Она залезла в кладовку.

Так, что у нее с обувью? Черные туфли, которые она купила в прошлом году «на все случаи жизни», ну никак сюда не подходили. Она вспомнила про бежевые босоножки на высоком каблуке. Купила их по дешевке, вроде красивые, но жутко неудобные. А вдруг будет дождь? И что надеть вместо куртки? Вот черт! Может, ну ее, эту консерваторию!? Надо Лильке позвонить.

— Ой, хорошо, что позвонила, я сама как раз думала звонить.

— Лиль, я хотела сегодня зайти, вещи мамины ушила, хотела занести. Ты когда будешь?

— Приходи к обеду, я сбегу с последней пары.

Ирка вдруг вспомнила, что не платила за квартиру, достала квитанцию и стала пересчитывать деньги. Ни фига себе! Неужели она

столько потратила? Стала вспоминать, на что ушли деньги. Ну конечно! Это чертова ткань на платье! На нее рассчитано не было. Как же быть? За квартиру надо заплатить, иначе в следующем месяце придется платить сразу за два. Что у нее остается?... Две тысячи триста пятьдесят рублей. Черт! Надо срочно искать работу.

Перед выходом она поднялась наверх, позвонила. Открыла Елена Васильевна.

— Здрасьте. Лена Васильевна, а хозяйка ваша дома? Я бы ей шмотки ее отдала.

— Дома. Пойду, спрошу.

Ирка топталась в прихожей, из гостиной слышался капризный голосок.

— Мне сейчас не до того... Ну пусть позже зайдет, какая ей разница?

— Слышала? — Развела руками Елена Васильевна. — Зайди попозже.

— Я попозже не могу, ухожу. Ладно, в другой раз зайду.

Вот связалась на свою голову! Если бы не деньги, ни за что не стала бы ей шить! Ладно. Надо попробовать завтра с утра, может барыня будет в хорошем расположении духу и примет ее. Вот зараза!

По дороге к Лильке все-таки зашла в сбербанк и заплатила за квартиру. Будь, что будет!

Перед обедом померили вещи, все сидело замечательно.

— Ирочка, — Софья Ильинична оглядывала себя в зеркало, — какая ты молодец, у тебя просто золотые руки. Знаешь, я тут говорила с моей приятельницей, она тоже хотела кое-что переделать. Возьмешься?

— Еще спрашиваете! Конечно, возьму.

— Тогда запиши ее телефон и адрес. Это недалеко от нас.

— Мам, — заглянула Лилька, — вы скоро?

— Все, мы готовы.

Софья Ильинична достала деньги и протянула Ирке.

— Да вы что, Софья Ильинична!? Что же я вам за деньги буду делать?

— Возьми, Ира, ты же пока без работы, а деньги имеют неприятное качество исчезать.

— Все равно не возьму! А то сейчас уйду и обижусь.

— Глупенькая, — Софья Ильинична убрала деньги в тумбочку. — Ладно, я постараюсь тебе заказчиц найти.

— Вот за это спасибо. Кстати, вы имейте в виду, что я и шторы могу пошить и чехлы какие-нибудь. Ой, а когда вам сказали за анализами приходите?

— На следующей неделе, я попрошу Лилю, чтобы записала.

— Я с вами пойду, и не спорьте, а то весь день там проторчите.

После обеда они сидели в Лилькиной комнате и обсуждали наряды.

— Лиль, знаешь, я себе такое платье сшила — зашибись!

Она стала подробно описывать фасон.

— Я хочу в нем на концерт пойти, только сумка моя ну никак не подходит. Может, дашь какую-нибудь напрокат?

— Пойду, посмотрю.

Она вернулась с двумя сумками.

— Выбирай.

Ирка сразу выбрала бежевую на длинной ручке с красивой золотой пряжкой.

— Кстати, может, сережки возьмешь, помнишь, с топазами?

— Нет, — категорично отвергла Ирка, — лучше что-нибудь из бижутерии, если можно, конечно.

Лилька вытащила маленький сундучок и вывалила содержимое на стол.

— Выбирай.

Ирка с удовольствием перебирала украшения.

— Пожалуй, вот эти сережки колечками и вот этот браслет.

— А может, еще цепочку с кулоном?

— Нет, это будет перебор.

— Ирка, колись, понравился, наверное, скрипач?

— Да говорю же нет. К тому же он и думать забыл про меня. Так, приятный парень... добрый.

— Отчего же ты так тщательно наряжаешься?

— От того, что в консерваторию иду в первый раз, хочется прилично выглядеть.

— А я как раз хотела с тобой посоветоваться, что лучше надеть.

Лилька открыла шкаф.

— Вот смотри, я хотела цветастую юбку и вот такую кофточку с рюшечками.

— Нет, это никуда не годится. Если уж хочешь надеть эту юбку, то только с однотонной кофтой... Можно вот с этой... Смотри и по цвету подходят. Кстати, из драгоценностей сюда подойдет абсолютно все.

— Ладно, доверюсь твоему вкусу. Ну, во сколько встречаемся?

— Давай в шесть на остановке.

С утра Ирка помыла голову, красиво уложила волосы и решила все-таки подняться наверх к соседям. Она сложила вещи в пакет и поднялась наверх. На звонок вышел сосед. Узнав ее, улыбнулся.

— Неужели опять залили?

— Да нет, я вот вещи принесла, — она показала на пакет.

— Какие вещи? — Удивился он.

— Ну, ваша жена отдала кое-что переделать, я принесла. Надо бы померить.

— Да она спит еще... А вы, значит, портниха?

— Значит, так.

— Что же вы не учитесь?

— Не все могут себе это позволить?

— Не у всех и мозгов хватает, — заметил он.

— А вам-то что за дело?! Да, я безмозглая дура, поэтому шью вот на таких. — Она спохватилась, замолчала и уставилась в пол, ожидая, что он сейчас ее выставит вон. Услышав тяжелый вздох, подняла глаза.

— Это не моя жена, — зачем-то пояснил он.

— Да мне все равно, кто она.

— Ладно, вы пакет оставьте, она попозже померяет и вам позвонит.

Ирка протянула пакет и вдруг обнаружила, что у него очень красивые темные глаза и вообще он весь такой... Она почему-то постеснялась спросить про деньги, неожиданно вспыхнула и бегом ринулась вниз по лестнице.

— Сумасшедшая, — пробормотал Сергей, — но какой изумительный цвет кожи — просто персик.

Погода стояла почти летняя, а всего лишь конец апреля. Отметив с облегчением, что дождя не предвидится, Ирка надела сверху светло — коричневый поплиновый пиджак, который пошила прошлым летом, и который прекрасно гармонировал с пастельными тонами платья, бежевыми босоножками и сумочкой.

Лилька уже поджидала ее.

— Ого! — Лилька восхищенно оглядела подругу. — Ну ты вылитая Сандра Баллок, даже красивее. Ирка, неужели это ты сама сшила? Просто супер! А платье? Ну, вообще, нет слов.....Ну что, на метро или на троллейбусе?

— Нет, поедем лучше на метро, там пробок нет.

Они весело болтали, с удовольствием ловили на себе взгляды парней.

— Все, — начала Лилька. — Скрипач будет наш.

— Господи, да говорила уже сто раз, он просто из вежливости дал мне билеты.

— Интересно, что будет в программе? Хорошо бы Сибелиус или Моцарт, о Бартоке даже не мечтаю.

— А я боюсь, что засну, я совсем не люблю такую музыку.

— Тебе понравится, вот увидишь, у тебя прекрасный вкус, тебе не может не понравиться. Просто ты не слушала ничего.

Они пришли рано, Ирка сняла пиджак, аккуратно сложила в пакет, и вместе с Лилькиным кожаным пиджаком сдали в гардероб. Они чинно прохаживались по фойе, разглядывая фотографии на стенах.

— Надо программку купить, — заметила Лилька и направилась к седой старушенции, продававшей программки. Тут же уткнулась туда и с восторгом воскликнула.

— Ирка! Барток! Вот здорово! Понимаешь, — стала объяснять подруге, — в этом концерте звучат народные венгерские ритмы. Тебе понравится. Так, а какие у нас места? — Лилька посмотрела на билеты. — Ого! Шестой ряд, середина.

Они вошли в полупустой зал, Ирка с любопытством оглядывалась. Она вспомнила, как в детстве мама водила ее в театр, иногда к ним присоединялся отец. И так им было хорошо тогда... Ну почему так получилось, что они начали пить? Как несправедливо.

С ее стороны сели две немолодые дамы, которые очень пристально ее разглядывали. Ирка хотела уже сказать, что она не картина Рембрандта, но тут с Лилькиной стороны увидела соседа сверху и его фифу. Она быстро опустила голову, потом

все-таки посмотрела в его сторону и... нечаянно встретилась с ним глазами. Он машинально кивнул и отвернулся, потом быстро обернулся и опять уже внимательно взглянул на Ирку. Она, хоть и залилась румянцем (черт бы его побрал), глаз не отвела. Он улыбнулся и поднял вверх большой палец.

— Масик, — раздался противный голосок, — мы могли бы не торопиться. Я не успела с Хублярянами поздороваться.

— В перерыве здороваешься.

— Сережа, — окликнула его дама слева от Ирки.

Сосед привстал и поклонился, а Ирка услышала, как дама прошептала своей спутнице.

— Почему Женя нас так посадил? — И при этом опять бросила на Ирку выразительный взгляд.

— Слушай, — Лилька дернула ее за рукав и зашептала, — что происходит? Ты с кем-то переглядываешься, он с тебя глаз не сводит...

— Тише, тише, потом расскажу.

— Ого, выходит, я что-то пропустила.

В это время раздалась аплодисменты, на сцену вышли музыканты, пошуршали нотами, послышались звуки настраиваемых инструментов, затем вышел дирижер и, наконец, появился солист.